

8. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
9. Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950–1980-е годы: очерки. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

УДК 32.019.5

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ: ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ДОВЕРИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ И АКТÓРАМ¹

Зырянов Сергей Григорьевич

*доктор политических наук, профессор, директор Челябинского филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы,*

E-mail: director@chel.ranepa.ru

Аверьянова Дарья Валерьевна

*младший научный сотрудник лаборатории прикладной
политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС*

E-mail: bdv@chel.ranepa.ru

CHELYABINSK REGION: CIVIL ACTIVITY AND TRUST TO REGIONAL POLITICAL INSTITUTES AND ACTORS

Zyrianov Sergey Grigoryevich,

*Doctor of Political Science, Professor, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch,
the Director, Chelyabinsk, Russia.*

Averyanova Darya Valeryevna,

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Junior Research Fellow
of the Laboratory of Applied Political Science and Sociology,*

АННОТАЦИЯ – В статье на материалах социологических исследований анализируется состояние социальной и политической активности населения Челябинской области, а также коснёмся вопроса о том, в какой степени жители региона доверяют региональным органам власти и управления.

ABSTRACT – The article is devoted to the analysis of social and political activity of Chelyabinsk region population; the research is based on materials of sociological surveys. The authors also consider the level of population's trust to regional authorities.

Ключевые слова: Гражданская активность; протестная активность; доверие региональным политическим институтам и акторам; социологическое исследование.

Keywords: Civil activity, protest activity, trust to regional political institutes and actors, sociological survey.

Непременным условием, обеспечивающим развитие гражданского общества в современных российских условиях, является высокий уровень социальной активности населения. В настоящей статье на основе данных социологического исследования «Социокультурный портрет Челябинской области» мы рассмотрим состояние социальной и политической активности населения Челябинской области, а также коснёмся вопроса о том, в какой степени жители региона доверяют региональным органам власти и управления.

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-03-00486 "Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве".

Обращаясь к вопросу социальной и политической активности населения Челябинской области, отметим, что в настоящее время в регионе действуют около 3600 различных общественных объединений, организаций различной направленности. Данные социологического исследования, полученные в ходе проведенного в рамках проекта «Социокультурный портрет Челябинской области» в 2014 и 2011 годах¹, демонстрируют тот факт, что подавляющее большинство респондентов в своей повседневной жизни не связаны с деятельностью политических и общественных институтов. Являются членами той или иной общественной организации лишь 9,9% опрошенных.

Приведём для наглядности сводную таблицу, демонстрирующую участие населения Челябинской области в деятельности политических и общественных институтов.

Таблица 1

Участие населения Челябинской области в деятельности политических и общественных институтов

Членство	2014 год		2011 год	
	Да	Нет	Да	Нет
Политическая партия	2,1	97,9	4,3	95,7
Профсоюз	7,7	92,3	12,6	87,4
Религиозная организация	0,2	99,8	1,3	98,7
Другие организации	0,8	99,2	2,8	97,2

На территории Челябинской области по состоянию на 1 января 2015 г. зарегистрировано 59 региональных отделений политических партий [4]. При этом только 2,1% респондентов выбрали ответ – являюсь членом политической партии, причём 0,8% из них указывают членство в «Единой России». В 2014 г. самая большая часть организованных респондентов – это участники профсоюзных объединений – 7,7%, хотя в 2011 г. их было практически в 2 раза больше – 12,6%. Конечно, участие в профсоюзах не всегда связано с активной позицией представителя регионального сообщества: иногда оно дается «в нагрузку» к деятельности в той или иной организации. Крайне небольшая часть опрошенных – 0,2% относят себя к членам каких-либо религиозных организаций, ещё 0,8% являются членами каких-либо других общественных организаций.

Анализ социально-демографических факторов показал, что граждане, занимающие активную позицию по отношению к участию в традиционных институтах проявления гражданской активности, имеют следующие социально-демографические характеристики. Среди тех, кто является членом той или иной общественной организации больше представлены мужчины (на 7,9% чаще, чем в среднем по выборке), респонденты в возрасте от 31 до 50 лет (на 8,1% больше, чем в среднем по выборке), имеющие неоконченное среднее образование (на 4% больше, чем в среднем по выборке) и послевузовское образование (на 3,9% больше, чем в среднем по выборке), респонденты, характеризующие своё материальное положение оценочными позициями, указывающими на средний и выше среднего уровни дохода – «в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг» (на 7,1% больше, чем в среднем по выборке), «почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры» (на 7,5% больше, чем в среднем по выборке).

Итак, подавляющее большинство – около 90% – опрошенных жителей региона не участвуют в деятельности общественных организаций, которые в какой-либо форме могли бы формировать и поддерживать отношения граждан с властью, обеспечивать возможность защиты их социальных и политических прав. Кроме того, основываясь на данных социологических исследований, мы можем констатировать – за три года изменение ситуации в сфере социальной активности населения произошли лишь в худшую сторону.

С показателем социальной активности тесно связано понятие протестной активности и протестного потенциала. Обратимся к распределению ответов респондентов на вопрос:

¹ Опрос населения Челябинской области, 2011 и 2014 гг.

«Готовы ли вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, нарушений прав и свобод человека)?» Ответы даны в процентах от опрошенных.

Таблица 2

Динамика и уровень протестного потенциала населения Челябинской области

	2014	2011	Разность
Готов	16,4	22,0	-5,6
Пожалуй, готов	25,9	21,0	4,9
Пожалуй, не готов	15,3	11,9	3,4
Не готов	26,5	23,0	3,5
Затрудняюсь ответить	13,2	15,9	-2,7
Отказ от ответа	2,6	6,3	-3,7

Как видно из данных, представленных в таблице, количество тех граждан, кто готов принять участие в акциях протеста практически равно числу респондентов, заявивших о своей неготовности к этому: 42,3% против 41,8%. Отметим, что в 2011 г., доля готовых к участию в подобного рода акциях составляла 43%, а неготовых было значительно, почти на 10%, меньше – 34,9%.

Что касается социально-демографических особенностей респондентов, стоит отметить, что среди тех, кто выразил готовность принять участие в акциях протеста, больше мужчин (на 4,3% больше, чем в среднем по выборке), а в противоположной группе чаще встречаются респонденты старше 50 лет (на 4,9% больше, чем в среднем по выборке), а также жители региона, имеющие послевузовское образование – второе высшее, аспирантура и т.д. (на 5,2% больше, чем в среднем по выборке).

Сразу оговоримся, что между констатацией наличия протестных настроений и переходом от этого состояния к открытым протестным действиям детерминируется рядом объективных и субъективных по своей природе факторов, находящихся во взаимодействии, и далеко не каждый респондент с протестным настроением примет участие в реальных протестных акциях. И чем больше одновременно присутствует факторов, влияющих на формирование протестного потенциала (настроения), тем выше будет реальный протестный потенциал. Согласно данным исследования, проведенного специалистами Левада-Центра, в августе 2014 г. принять личное участие в массовых выступлениях против падения уровня жизни, в защиту своих прав были скорее готовы только 8%, а скорее всего нет – 86%, при 6% затруднившихся [3].

Далее обратимся к вопросу доверия населения Челябинской области органам региональной власти и другим системным политическим и неполитическим акторам. Отметим, что Ю. Н. Копылова определяет доверие населения органам власти как такое отношение к ним, основными компонентами которого являются: 1) уверенность в надежности, компетентности, добросовестности данных органов, 2) уверенность в их способности обеспечить нормальные условия жизни и социальной защищенности граждан и 3) уверенность в их способности эффективно выполнять функции с максимальной пользой для общества [2]. Отметим, что показатель доверия к институтам власти является одним из ключевых параметров в процессе формирования отношения к нему населения и, соответственно, базой оценки его деятельности. Но, в отличие от оценки деятельности, доверие – это весьма устойчивый социально-психологический феномен, в силу того, что большую роль в нем играет не рациональный, а эмоциональный компонент.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Скажите, пожалуйста, в какой мере Вы доверяете или не доверяете региональным (областным, местным) органам управления, организациям?» Далее был предложен перечень региональных и местных органов управления для оценки. Обратимся к таблице и рассмотрим социологические данные о доверии институтам региональной власти в динамике.

**Динамика доверия населения Челябинской области
региональным политическим институтам**

Название института региональной власти	Сумма позиций «полностью доверяю», «пожалуй, доверяю»		Позиция «трудно сказать точно»		Сумма позиций «не очень доверяю», «совсем не доверяю»		Сумма позиций «не знаю», отказ от ответа	
	2014	2011	2014	2011	2014	2011	2014	2011
Губернатор области	36,6	33,6	26,9	27,1	28,1	22,4	11,4	17,0
Правительство области	27,4	25,4	24,2	26,9	39,0	28,8	9,4	18,9
Законодательное собрание области	23,1	16,1	27,4	27,6	35,9	32,1	13,6	24,2
Суд	31,8	33,6	23,3	21,8	39,3	30,8	5,6	13,7
Прокуратура	28,9	24,9	25,1	24,9	39,0	32,5	7,0	17,8
Полиция	16,5	19,7	26,3	22,3	51,0	44,1	6,2	13,8
Муниципальные и местные органы управления	17,5	19,1	24,9	25,8	48,7	36,0	8,9	19,0

Если посчитать показатели в разнице доверия – недоверия в 2011 и в 2014 гг., то мы увидим, что только институт губернатора, а скорее сам губернатор персонально имеет положительную динамику доверия, но все же с заметной тенденцией к росту на 6% группы не доверяющих. В 2011 г. у М. Юревича разница в доверии – недоверии составляла 11,2%, у Б. Дубровского в 2014 г. – 8,5%. При этом показатель доверия М. Юревичу составлял 33,6%, недоверия – 22,4%, а Б. Дубровскому 36,6%, что на 3% больше, а не доверяют 28%. Подробнее данный вопрос был рассмотрен одним из авторов в статье «Выборы: смена персон и механизмов в системе государственного и муниципального управления в Челябинской области в 2014 году» [См. 1].

Самые большие потери в доверии отмечены у муниципальных органов власти и управления, процент не доверяющих им увеличился – на 14,3%. По отношению к полиции недоверие возросло на 10,1%, к правительству Челябинской области недоверие увеличилось – на 8,2%, к суду – на 4,7%; к прокуратуре – на 2,5%. Несмотря на то, что уровень недоверия респондентов Законодательному собранию Челябинской области сократился на 3,2% (в 2011 г. этот показатель был зафиксирован на уровне 16,0%, а в 2014 г. составил 12,8%), самому институту все-таки больше не доверяют, чем доверяют (35,9%, против 23,1%).

Далее рассмотрим динамику доверия населения Челябинской области профсоюзам, региональным отделениям политических партий и СМИ (табл.4).

Как видим, в случае с невластными социально-политическими институтами наблюдаются несколько иные тренды. Так, например, к профсоюзам за прошедшие с момента предыдущего опроса три года уровень доверия возрос на 0,8% – с 18,2 в 2011 г. до 20,6% в 2014 г. Что касается СМИ, то по отношению к ним уровень доверия тоже вырос – с 23,9% до 33,4%. Но, вместе с тем, баланс доверия – недоверия остаётся отрицательным – 9,5%. А вот самый близкий к властным структурам политический институт – региональные отделения политических партий – испытывает давление нарастающего недоверия населения, оно выросло с 42,4% до 49,7%, т.е. на 7,3 %. Резюмируя, отметим, что по показателю недоверия в 2014 г. можно выделить три института-лидера – это полиция (51%),

региональные отделения политических партий (49,7%) и муниципальные органы власти (48,7 %).

Таблица 4

Динамика доверия населения Челябинской области профсоюзам, региональным отделениям политических партий и СМИ

Название регионального социального института	Сумма позиций «полностью доверяю», «пожалуй до- веряю»		Позиция «трудно ска- зать точно»		Сумма пози- ций «не очень до- веряю», «совсем не до- веряю»		Сумма пози- ций «не знаю», «отказ от от- вета»	
	2014г.	2011г.	2014г.	2011г.	2014г.	2011г.	2014г.	2011г.
Профсоюзы	20,6	18,2	29,1	27,2	35,9	34,3	14,4	20,3
Региональные отде- ления политических партий	10,8	9,2	26,7	25,5	49,7	42,4	12,8	23,0
Средства массовой информации	33,4	23,9	22,5	19,3	36,3	40,1	7,8	16,8

Итак, результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о достаточно не-высоком уровне социальной активности и недостаточно высокой степени доверия населения традиционным региональным политическим институтам и актёрам. Самым высоким из предложенного перечня вполне ожидаемо оказалось доверие Губернатору Челябинской области, что объяснимо, ведь в данном случае респонденты оценивали не только уровень и степень своего доверия институту губернаторства, но и личностные качества руководителя региона. Чуть меньше степень доверия населения региональным органам власти, ещё меньше – законодательному органу региона. Ну, а меньше всего жители региона склонны доверять полиции, региональным отделениям политических партий и муниципальным органам власти. Всё это может быть свидетельством достаточно высокой степени отчуждения населения от политической сферы жизни области общества. Что касается уровня протестного потенциала населения Челябинской области на этом фоне, то доля жителей региона, готовых принять участие в акциях протеста, вроде бы достаточно велика. Но, вместе с тем, пока не проявились факторы, которые смогли бы этот протест систематизировать и организовать.

Список литературы:

1. Зырянов, С.Г. Выборы: смена персон и механизмов в системе государственного и муниципального управления в челябинской области в 2014 году [Текст] / С.Г. Зырянов // Социум и власть. 2014. №6. С.8-21
2. Копылова, Ю.Н. Доверие населения как фактор повышения социального статуса органов государственной власти: автореф. Дис. ... канд. психол. наук: Москва, 2003. – 173 с.
3. Протестная активность. Пресс-выпуск Левада-Центра от 25.12.2014 г. [Электронный ресурс] / URL: [http:// www.levada.ru/25-12-2014/protestnaya-aktivnost](http://www.levada.ru/25-12-2014/protestnaya-aktivnost) (дата обращения: 12.01.2015)
4. Список региональных отделений политических партий, зарегистрированных на территории Челябинской области [Электронный ресурс] / URL: [http:// to74.minjust.ru» node/72407](http://to74.minjust.ru/node/72407) (дата обращения: 12.01.2015)
5. Социокультурный портрет Челябинской области. Результаты социологического опроса населения Челябинской области, проведенного в период с 15 по 25 июля 2014 года. Опрошено: 1000 респондентов. Статистическая погрешность данных: + 3% [Электронный ресурс] / URL: http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=12791 (дата обращения: 29.11.2014)
6. Социокультурный портрет Челябинской области. Результаты социологического опроса населения Челябинской области, проведенного в июле-августе 2011 года. Опрошено: 1000

УДК 316.7

БЕЗОПАСНОСТЬ И КУЛЬТУРА КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Зырянова Ольга Борисовна

аспирант

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

E-mail: mfgamba@mail.ru

SECURITY AND CULTURE AS A SOCIOLOGICAL CATEGORY

Zyryanova Olga

post-graduate student,

Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье рассматриваются теоретико-методологические основы и лингво-семантические особенности безопасности в рамках социологического дискурса, а также ее взаимодействие и взаимосвязь с многогранным понятием культуры.

ABSTRACT – The article deals with theoretical and methodological foundations and semantic features of security within the sociological discourse, as well as its interaction and relationship with the multifaceted concept of culture.

Ключевые слова: безопасность, культура, лингво-семантический анализ, интеграционный подход, социокультурное пространство.

Keywords: security, culture, linguistic and semantic analysis, integration approach, socio-cultural space.

Еще в конце XIX в. в российской науке сложилось представление о безопасности как о «главнейшем залого человеческого развития» [2, С.304], то есть как об основном условии развития человека и общества. Социологическая наука, не избежав влияния нарастающей макрополитической напряженности как глобальной общественной тенденции, обратила пристальное внимание на проблематику безопасности лишь на рубеже XX-XXI веков, постепенно сформировав, кроме прочих, две доминирующие точки зрения: охранительно-защитную (И. Валлерстайн, О. Н. Яницкий, Р. Г. Яновский, Э. Гидденс, Л. В. Астахова и др.) и диалектико-семантическую (Ю. В. Фетисова, Г. Бехманн, А. Ш. Викторов и др.) [4, С.261, 264]. Наиболее методологически разработанной в рамках охранительно-защитной традиции рассмотрения безопасности можно назвать научную школу социологии безопасности В. Н. Кузнецова. Его понимание безопасности включает и содержание, и структуру феномена, выражаясь следующим определением: «безопасность может быть определена ... как сетевая устойчивая совокупность необходимых и достаточных факторов, надежно обеспечивающих: достойную жизнь каждого человека; защищенность всех структур жизнеспособности семьи, общества и государства; их цели, идеалы, ценности и интересы, их культуру и образ жизни, традиции от неприемлемых рисков, от внутренних и внешних вызовов и угроз; способность эффективно предотвращать формирующиеся опасности на основе культуры компромисса по поводу благополучия и справедливости для всех» [8, С.16]. Ученый указывает на нецелесообразность анализа состояния безопасности через изучение интересов социальных групп, общества, государства, цивилизации. Вместо этого следует перейти к анализу «вызовов и угроз целям, идеалам и ценностям человека, общества и государства» [8, С.22]. Такой методологический поворот открывает эмпирические возможности для изучения представлений о безопасности в рамках социологического дискурса.